

«ГОГОЛЕВСКОЕ» В РОМАНЕ И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

Е.В. Вранчан

Ключевые слова: И.А. Бунин, роман «Жизнь Арсеньева», Н.В. Гоголь, русская литература, авторская позиция.

Keywords: Ivan Bunin, The Life of Arseniev, Nikolai Gogol, Russian literature, author's position.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-14

Гоголя и Бунина разделяет чуть более шести десятилетий. Вместе с тем писатели, являясь выходцами из мелкопоместного дворянства, одинаково воспевают жизнь своего сословия. Так, Н.В. Гоголь открывает свой миргородский цикл идиллической повестью, в самом начале которой говорит: *«Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владетелей отдаленных деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими, которые, как дряхлые живописные домики, хороши своею пестротой»* (Гоголь, 1966, с. 7)³¹. В отличие от Гоголя, И.А. Бунин, акцентируя внимание не на пестроте, а на цельности вечно прекрасного мира, восклицает: *«Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищенства. Но хороша и эта нищенская мелкопоместная жизнь!»* (Бунин, 2006, с. 418). Расставаясь со старым патриархальным укладом, Бунин стремится удержать то, что должно сохраниться в памяти потомков. Это простота, домовитость, слаженность хозяйства и быта дворянско-крестьянской жизни. Картины прошлого надолго запечатлеваются в памяти писателя, а затем по-новому оживают на страницах его романа «Жизнь Арсеньева».

В произведении «Жизнь Арсеньева», созданном в эмиграции, автором управляет поток ностальгических воспоминаний о родине. Ностальгической идеализацией прошлого проникнуты не только произведения И. Бунина, но и сочинения Ив. Шмелёва, Б. Зайцева и других писателей-эмигрантов. Отметим, что они тоже близки Гоголю по восприятию России. Сближению творчества этих писателей посвящены многочисленные труды публицистов и ученых, среди которых можно выделить работу М.С. Сосницкой³², А.М. Любомудрова, Е.А. Жильцо-

³¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

³² Сосницкая М.С. Мелкопоместное дворянство у Гоголя и Бунина. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/205/>

вой [Любомудров, 2011; Жильцова, 2013]. В этих работах для нас оказывается значимым то, что в ходе сближения творчества Гоголя и Бунина исследователи по-своему видят, как личность писателя-предшественника сказывалась на традиции воспроизведения патриархально-го быта дворянско-крестьянской жизни. Здесь важно подчеркнуть, что писатели имели хорошую память рода. По мнению П. Кулиша, у Гоголя она проявлялась в таком легком воссоздании черт старинной мелкопоместной жизни, что возникало ощущение, «как будто он залез в прадедовскую душу» и видел сквозь нее собственными глазами своего предка» [Родословие Н.В. Гоголя, 2009, с. 47].

Несмотря на неоднозначное отношение Бунина к личности и творчеству Гоголя, он учится у классика средствам художественной изобразительности. Так, в его прозе появляются точные предметные сравнения, заимствуется у Гоголя кулинарно-гастрономическая тема. В то же время становление Бунина-художника шло своим путем. Приступив в 1927 г. к созданию романа «Жизнь Арсеньева», Бунин отводит вымыслу очень скромную роль. Не случайно главным достоинством этого произведения признают «поэтическое и точное изображение картин русского прошлого» [Аверин, 2003, с. 185]. Как отмечает Б. Аверин, несмотря на все попытки автора «Жизни Арсеньева» «избегать излишней автобиографичности», его роман был воспринят как автобиографический [Аверин, 2003, с. 184–185]. А вот информацию о личности Гоголя для детализации его биографии можно было получить, по замечанию биографов, критиков и писателей, только из его писем.

Чтобы обнаружить влияние гоголевской традиции в позднем творчестве Бунина-эмигранта, остановимся на рассмотрении характерных гоголевских образов и приемов, используемых писателем в романе «Жизнь Арсеньева». В первую очередь обратим внимание на картины дворянско-деревенской жизни, возникающие в памяти героя романа. Важно, что автор отводит специфике его памяти ведущую роль. Не менее значимой оказывается интенсивность чувственного переживания Алеши Арсеньева, его *«повышенная впечатлительность, унаследованная ... не только от отца, от матери, но и от дедов, прадедов»* (Бунин, 2006а, с. 27). Так, рассказывая о том, как он с Баскаковым лазил на чердак, потому что там *«по преданиям, будто бы валялась какая-то дедовская или прадедовская сабля»* (Бунин, 2006а, с. 30), юный Арсеньев по-своему освещает или актуализирует образ прошедшего, передает ощущение связи поколений. К тому же автобиографический герой Бунина, сталкиваясь с предметом изображения, подобно рассказчику «Старосветских помещиков» Гоголя, склонен занимать позицию неравнодушного

наблюдателя. Представляя себе мирно текущую жизнь усадьбы, бунинский рассказчик сосредоточивает свое внимание на том, что воспроизводит его память. Он видит сад, простиравшиеся за садом поля, старосветскую усадьбу, где живет его бабушка, огороды, скудные мужицкие гумна и ряд жалких изб. Такой материал воспоминаний основан на действительных событиях и фактах, которые легко находят выражение в словесном описании, лишенном признаков мистицизма.

Гоголевскому повествователю также свойственна впечатлительность и любовь к прошлому, поэтому он поэтично представляет идиллические картины сельской природы: сад, наполненный яблонями и сливами; деревенские избы, осененные вербами, бузиной и грушей; душистую черемуху. В дальнейшем таким образом патриархального сада, наполненного ароматом яблок, Бунин отведет главную роль в своем раннем рассказе «Антоновские яблоки». Сходное настроение он будет испытывать и при описании мелкопоместного прошлого, вспоминая своих предков в романе «Жизнь Арсеньева». Иными словами, Бунину, как и Гоголю, не пренебрегавшему при создании своих сочинений богатым материалом из семейного архива (Родословие Н.В. Гоголя, 2009), тоже была дорога родная старина.

Одним из характерных гоголевских приемов, применяемых Буниным в романе «Жизнь Арсеньева», является лирическое отступление. Например, данный прием воплощается автором как рассказ Арсеньева об опыте своего читательского восприятия в детстве. В первую очередь Алеша Арсеньев вспоминает, как читал «Дон Кихота» и слушал рассказы Баскакова о рыцарских временах. По его представлениям, эти истории о рыцарстве производили незабываемое впечатление. Даже возникла уверенность в том, что он принадлежит этому миру, является «*пламенным католиком*» (Бунин, 2006а, с. 32). Характерно, что истории о рыцарских временах привлекали и предшественника Бунина — Гоголя. Отголоски рыцарства легко обнаружить у него в начале 1830-х гг., когда он создает малороссийский исторический роман «Гетьман», в 1835 г., когда выходит в свет его повесть «Тарас Бульба». Правда, рассказчик Бунина, вспоминая о своих детских впечатлениях от чтения книг Гоголя, называет не эти исторические произведения, а приводит фрагменты из идиллической повести «Старосветские помещики» и из повести «Страшная месть». Так, постигая значение гоголевского влияния на свое детское сознание, Арсеньев по-гоголевски называет то предметное («*поющие двери*»), то живое («*дикие коты, обитавшие за садом*») (Бунин, 2006а, с. 34). Можно сказать, что писатель вспоминает только то, что удерживает его читательское внимание. Не случайно сам рас-

сказчик делает акцент на избирательной работе своей памяти: «К одному я был холоден и забывчив, другое ловил с восторгом, со страстью, навсегда запоминая, закрепляя за собой» (Бунин, 2006а, с. 35). Надо заметить, что для избирательной работы памяти рассказчика самым важным становится не столько содержательность эпизода, сколько то, что связано с чувственным переживанием изображаемого.

Думается, читательские эмоции юного Арсеньева близки читательским впечатлениям Б. Зайцева и А. Белого, тоже очарованным повестью «Страшная месть». У А. Белого это очарование, произведенное на него в детстве, продлилось так долго, что в 1934 г. вышла в свет монография «Мастерство Гоголя», в которой он уделил большое место разбору повести. В 1935 г. был напечатан очерк Б. Зайцева «Жизнь с Гоголем». В нем автор тоже признается, что его очаровывала «Страшная месть», особенно впечатляли чудесно-ужасные образы мифологически-средневекового периода Малороссии: «*таинственный замок, мертвецы, встающие из могил, грозный Всадник в Карпатах*» (Зайцев, 2000, с. 132). По-другому передает свое впечатление от прочтения гоголевской повести герой романа Бунина «Жизнь Арсеньева». Так, его восхищают не готические образы средневекового периода Малороссии, а картины быта, обычаи и обряды малорусского населения: хутор пана Данила и его дедовские хоромы, празднование свадьбы в конце Киева у есаула. Кроме того, на бунинского рассказчика производят неизгладимое впечатление образы Данилы, Катерины, казаков, без которых не раскрылась бы патриотическая тема. Этот опыт читательского восприятия характерен и для самого И. Бунина, который вдохновлялся родиной Гоголя и создавал немало текстов на «украинскую» тему с отсылками к гоголевским произведениям³³.

Примечателен тот факт, что Бунин, подобно Гоголю, любил путешествовать. Помимо Украины, которую писатель посещал с 1889 г. и на протяжении 30 лет, он «не раз бывал в Турции, по берегам Малой Азии, в Греции, в Египте вплоть до Нубии, странствовал по Сирии, Палестине, был в Ороне, Алжире, Константинополе, Тунисе и на окраинах Сахары, плывал на Цейлон, изъездил почти всю Европу, особенно Сицилию и Италию» (Бунин, 2006, с. 17–18). Показательна для понимания творческой направленности Бунина-путешественника его склонность занимать позицию гоголевской отстраненности от того, что ему было до-

³³ Влияние гоголевской традиции можно обнаружить в таких ранних рассказах Бунина, как «Антоновские яблоки», «Сосны», «Новая дорога», «Архивное дело», «Грибок», «История с чемоданом». В 1936 г. Бунин, находясь в эмиграции, пишет рассказ-шутку «Жилет пана Михольского», главным источником которого становится анекдот о Гоголе.

рого с детства. Прежде всего, это хутор Бутырки, глубокая тишина полей. Вместе с тем писатель постоянно менял свою позицию: то бродил по свету, то снова возвращался к родным полевым просторам. Не случайно в романе «Жизнь Арсеньева» герой так связан с родной природой, что она не может восприниматься отдельно от него. Представляя себя частицей бытия, сохранившегося в памяти, он задает себе вопрос и сам же отвечает: *«Великий простор, без всяких преград и границ, окружал меня: где в самом деле кончалась наша усадьба и начиналось это беспредельное поле, с которым сливалась она? Но ведь все-таки только поле да небо видел я»* (Бунин, 2006а, с. 36). Подобные пейзажные зарисовки в романе свидетельствуют об обостренном восприятии автором родного пространства.

Итак, Бунину, как и Гоголю, нужна была особая дистанция для изображения своей родины. В романе «Жизнь Арсеньева» рассказчик признается, что, покинув родные просторы, впервые чувствует *«поэзию забытых больших дорог, отходящую в преданье русскую старину»* (Бунин, 2006а, с. 49). Такая обращенность к прошлому дополняется осознанием Арсеньевым своей национальной идентичности, так как он *«почувствовал ... Россию, почувствовал ее прошлое и настоящее, ее дикие, страшные и все же чем-то пленяющие особенности и свое кровное родство с ней»* (Бунин, 2006а, с. 50). Учитывая, что у Бунина воспоминания могут накладываться одно на другое, стоит предположить, что такие чувства родства с Россией могли возникнуть не столько у юного Арсеньева, сколько у пятидесятилетнего автора романа, работавшего над рукописью в эмиграции. Если для Бунина особой дистанцией для изображения России оказывается эмиграция, то для Гоголя дистанцией для изображения Украины является Петербург. Действительно, став жителем Петербурга, Гоголь создает свои первые книги, посвященные далекому малороссийскому миру. В процессе создания цикла повестей, обращенного к Украине, он тоже осознает как свое кровное родство с ней, так и связь с историческим прошлым, передает ощущение необъятности родного пространства: *«Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею»* (Гоголь, 1966, с. 52). Такое обобщение достигается писателем в масштабе украинского, казачьего мира, к которому он всегда ощущал свою принадлежность.

Поэтичность при описании пейзажа малой родины присутствует как в прозе Гоголя, так и в прозе Бунина. Вместе с тем воспоминания писателей об идиллических картинах сельской, окружавшей их приро-

ды, о незатейливой обстановке родительского дома пронизаны светлой тоской. В романе Бунина «Жизнь Арсеньева» создается впечатление, что автор, погружаясь в эти воспоминания, достигает гармоничного соотношения конкретного, что представлено описанием однообразия жизни владельцев обедневших уездных поместий, и обобщенного, что связано у него с глубоким постижением русского прошлого. Так, вспоминая о крещенских морозах, он представляет «глубокую древнюю Русь» с ее невероятными стужами (Бунин, 2006а, с. 67), а вспоминая о вечерней красоте июньского вечера, изображает старинные идиллические картины (Бунин, 2006а, с. 83–84). Такое повествование, которое сосредоточено на воспоминании о прошедшем, нередко дополняется слиянием противоположностей. Например, рассказчик, передающий свои впечатления в момент описания постепенного разорения семьи, строит предложение так, что в нем соседствуют слова «беднел» и «радовался»: «Я видел, как беднел наш быт, но тем дороже был он мне; я даже как-то странно радовался этой бедности» (Бунин, 2006а, с. 111). Все сказанное позволяет охарактеризовать бунинское воспоминание как движение души, преображающее русское прошлое.

Гоголь тоже стремился к соединению противоположностей, но осуществлял это по-другому. В повести «Старосветские помещики», делая акцент на неподвижности, замкнутости образа жизни героев идиллического мира, он прибегал к изменчивому стилю, благодаря которому неподвижность оказывалась относительной, замкнутость мира старосветских помещиков нарушалась вторжениями извне: то авторским взглядом, постоянно меняющим точку отсчета, то длительными отступлениями, то лексическими вторжениями [Виролайнен, 2003, с. 318]. В то же время разрушение границы замкнутого старосветского мира становится признаком его гибели. В дальнейшем и Бунин укажет на то, что благополучие мелкопоместной жизни обречено на разрушение: «все разрушалось и дичало, как дичали, зарастали бурьяном, кустарником и огороды, гумна, простиравшиеся за ними и сливавшиеся с полем» (Бунин, 2006а, с. 74–75). Несмотря на это, писатель по-гоголевски был привязан к провинциальной жизни, романтизировал её в своем воображении.

В целом Бунин, подобно Гоголю, совмещал в себе любовь к размеренному дворянскому быту и страсть к путешествиям. Это же было свойственно и герою его романа. Вот почему Арсеньев называет себя бродником, то есть бродягой (от слова «бродить»). По его замечанию, так называются казаки. Здесь и далее рассказчик акцентирует внимание на особом отношении к украинской земле. Его впечатляют не только «красота ... нив и степей, хуторов и сел, Днепра и Киева», мело-

чи быта, но и история южной Руси, песни и легенды о прошлом Малороссии (Бунин, 2006а, с. 155). Путешествуя по Украине, Арсеньев не случайно вспоминает Гоголя и фрагменты украинского пейзажа из его первых повестей, появившихся в 1829–1832 гг. Эти и другие фрагменты из гоголевских и других художественных текстов, вплетаемые в повествование, становятся составной частью биографии героя романа «Жизнь Арсеньева».

Таким образом, творческое влияние Гоголя на автора романа «Жизнь Арсеньева» отличается своим разнообразием. Как было выявлено, мысли о Гоголе возникают в романе то в связи с описанием быта мелкопоместного дворянства, то в связи с ностальгическими воспоминаниями автора-рассказчика о родине, то в связи с опытом его читательского восприятия украинских повестей Гоголя, то в связи с путешествиями Алексея Арсеньева по Украине. Все, что узнаем о рассказчике, явно восходит к самому Бунину, который, пытаясь актуализировать то, что ему удалось сохранить в памяти, строит роман в форме воспоминаний. Кроме того, намереваясь избежать излишней автобиографичности, автор романа применяет гоголевские приемы, а также занимает позицию гоголевской отстраненности от изображаемого им мира, не отмечая своей связи с ним.

Библиографический список

Аверин Б.В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003.

Виротайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003.

Жильцова Е.А. Русская классическая литература в восприятии И.А. Бунина и М.А. Алданова: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2013.

Любомудров А.М. Николай Гоголь и Иван Шмелев. Путь спасения как художественная задача // Поэзия русской жизни в творчестве И.С. Шмелева. М., 2011.

Родословие Н.В. Гоголя: Статьи и материалы. М., 2009.

Источники

Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1. Стихотворения. 1888–1911. Рассказы 1892–1901. М., 2006.

Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман. 1927–1929; 1933; Божье дерево. Рассказы. 1927–1931 М., 2006а.

Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. Миргород. М., 1966.

Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 11 т. Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М., 2000.

References

Averin B.V. *Dar Mnemosyny: Romany Nabokova v kontekste russoj avtobiograficheskoj tradicii*. [The Gift of Mnemosyne: Nabokov's Novels in the Context of the Russian Autobiographical Tradition]. St. Petersburg, 2003.

Virolajnen M.N. *Rech' i molchanie: Syuzhety i mify russoj slovesnosti*. [Speech and Silence: Plots and Myths of Russian Literature]. St. Petersburg, 2003.

Zhil'cova E.A. *Russkaya klassicheskaya literatura v vospriyatii I.A. Bunina i M.A. Aldanova*. [Russian classical literature as perceived by Ivan Bunin and Mark Aldanov]. Cand. of Art Diss. Velikiy Novgorod, 2013.

Lyubomudrov A.M. *Nikolaj Gogol' i Ivan SHmelev. Put' spaseniya kak hudozhestvennaya zadacha* [Nikolai Gogol and Ivan Shmelev. The path of salvation as an artistic task]. *Poeziya russoj zhizni v tvorchestve I.S. SHmeleva*. [Poetry of Russian life in the works of Ivan Shmelev] Moscow, 2011.

Rodoslovie N. V. Gogolya: Stat'i i materialy. [Genealogy N.V. Gogol: Articles and materials.] Moscow, 2009.

List of sources

Bunin I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy. Stihotvoreniya. 1888–1911. Rasskazy 1892–1901*. [Full Collection of Works Poems. 1888–1911. Stories 1892–1901]. In 13 vol. Moscow, 2006. Vol. 1.

Bunin I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy. Zhizn' Arsen'eva. Roman. 1927–1929; 1933; Bozh'e derevo. Rasskazy. 1927–1931*. [Full Collection of Works. Life of Arseniev. Novel. 1927–1929; 1933; God's tree. Stories. 1927–1931]. In 13 vols. Vol. 5. Moscow, 2006a.

Gogol' N.V. *Sobraniye sochineniy. Mirgorod*. [Collection of Works. Mirgorod]. In 7 vols. Moscow, 1966. Vol. 2.

Zajcev B.K. *Sobraniye sochineniy. Dni. Memuarnye ocherki. Stat'i. Zametki. Recenzii*. [Collection of Works. Days. Memoir sketches. Articles. Notes. Reviews]. In 11 vols. Moscow, 2000. Vol. 9.